

СТОИКИ И ЭПИКУРЕЙЦЫ

НРАВСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Д. О. Хвостова

Стоики и эпикурейцы.

Нравственный образ жизни

Серия «Мудрые мысли на каждый день»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67985906

Стоики и эпикурейцы. Нравственный образ жизни: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-151132-6

Аннотация

Стремление человека к счастью через получение удовольствия – основной принцип эпикуреизма – философского учения, в основу которого легли идеи Эпикура. Достичь этого возможно, избегая душевных и телесных страданий. Известные эпикурейцы – римский поэт, философ Тит Лукреций Кар и древнеримский поэт Гораций.

Главным оппонентом эпикурейцев и основателем стоицизма является Зенон Китийский. В центре его философии – понятие долга, включающее в себя стремление к нравственному совершенствованию и подчинение судьбе. Среди известных последователей стоицизма выделяются римский император Марк Аврелий, римский философ, государственный деятель Сенека и древнегреческий философ Эпиктет.

Собранные в этой книге цитаты из трудов стоиков и эпикурейцев позволят взглянуть на жизнь с разных полюсов — удовольствия и долга.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

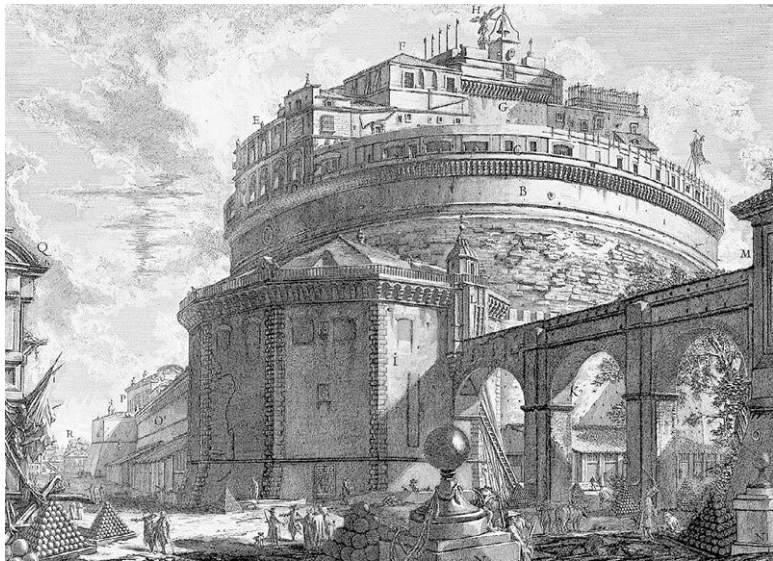
Стоики	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Стойки и эпикурейцы. Нравственный образ жизни

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2022

*** * ***

Стоики

Стоическая философия возникает в эпоху, когда греческая мысль, утомленная теоретическим умствованием, все более и более стремится к цельному догматическому миросозерцанию, которое могло бы стать на место разложившихся верований и обосновать систему рациональной этики. Такое миросозерцание являлось потребностью целого общества, целой культуры, а не тесного кружка мыслителей, замыкавшихся в стены своей школы. Греческое просвеще-

ние покоряло мир, становилось мировой политической силой – и греческая философия соответственно этому меняла свой прежний характер: она переставала быть исследованием, умозрением и обращалась в догму. Такой характер более всего придали ей Зенон, основатель стоической школы, и его многочисленные последователи.

Главнейшие стоики. Зенон из Кития на Кипре (ок. 334–262 гг. до н. э.) сошелся в Афинах с киником Кратесом, в котором он видел истинного представителя философии Сократа. Неудовлетворенный киническим учением, он слушал и других учителей – мегарца Стилпона и платоников Ксенократа и Полемона и к концу IV в. основал собственную школу в «узорчатом портике» (стоа пойкиле), от которого она и получила свое название. Сочинения его, касавшиеся самых разнообразных предметов, дошли до нас лишь в незначительных фрагментах, как и сочинения его преемника Клеанфа из Асса, бывшего кулачного бойца, который стал философом благодаря глубине увлечения и необыкновенной энергии. Другие ученики Зенона – его земляк Персей, Аристон Хиосский, Герилл из Карфагена, Сфер из Босфора и поэт Арат из Сицилии. Преемник Клеанфа Хризипп – один из самых плодовитых писателей древности, неутомимый преподаватель и полемист, прославился как второй основатель стоицизма, развивший его систематически в своих многочисленных философских и полемических сочинениях. Его многочисленные ученики распространили стоическое уче-

ние на восток и на запад (Зенон, Антипатр и Архедем из Тарса, Диоген Вавилонянин). Из современников его выдаются знаменитый ученый Эратосфен Киренский, ученик Аристона, и Телес, проповедник нравственности, сильно приближавшийся к кинизму. Ставя философии высшую практическую цель, уже ранние стоики расходились в оценке теоретической философии: так, Герилл, подобно Аристотелю, полагал высшее благо и высшую цель в *познании*, между тем как Аристон не хотел знать ни диалектики (логики), ни физики, считая первую бесполезной, а вторую – недоступной человеческому знанию, и придавал цену лишь основным принципам этики. Помимо этих уклонений, школа сначала твердо держалась основных начал своего основателя. Более глубокие различия мы находим лишь во II и I вв., в эпоху усиливающегося эклектизма. Ученики Диогена, Боэф и в особенности Панеций Родосский, значительно приближаются к Аристотелю, а ученик Панеция Посидоний был ревностным почитателем Платона и стремился к соединению стоицизма с учениями Платона и Аристотеля. Его философия носит отпечаток эклектического, платонизирующего стоицизма, разновидности которого мы находим у неопифагорейцев, эклектиков, академиков школы Антиоха Аскалонского и Евдора, у Филона и в ранней патристике. Во времена империи стоицизм обратился в популярную просветительную философию, сосредоточившую в себе лучшие заветы античной доблести и нравственной мысли. Он получил самое ши-

рокое распространение; мы находим его представителей на всех ступенях общественной лестницы, от императора Марка Аврелия и государственного деятеля Сенеки до раба Эпиктета. Проповедь этих учителей приобретает духовно-нравственный отпечаток, столь характерный для всей эпохи, но они остаются верными основным началам первоучителей – Зенона и Хризиппа – и держатся их строже, чем, например, Посидоний.

Задача стоической философии состояла в том, чтобы найти прочное разумное основание для нравственной жизни. Вместе с киниками стоики видели в человеческом знании лишь средство к добродетельному поведению и достижению блага; вместе с киниками они поставили себе задачу сделать человека свободным и счастливым посредством добродетели. Поэтому они определяли философию как упражнение в добродетели. Сначала Зенон сходил с киниками в пренебрежении к теоретическим наукам – черта, которую до крайности усиливал ученик его Аристон; но впоследствии, по видимому, сам Зенон освободился от такой односторонности, не впадая в обратную крайность другого ученика своего, Герилла, который вместе с Аристотелем признавал познание высшим благом. Наиболее отчетливо выражена основная тенденция школы у Хризиппа: полемизируя с Аристотелем, он признает, что цель философии заключается в том знании, которое ведет к истинной деятельности и тем самым составляет часть такой деятельности. По учению стои-

ков, истинная деятельность невозможна без истинного, объективного знания; как и у Сократа, мудрость и добродетель признаются тождественными, и потому философия, определяемая как «упражнение в добродетели», есть вместе с тем «познание божеского и человеческого». Напрасно было бы видеть в стоицизме исключительно *этическое* учение; хотя нравственный интерес в нем и преобладает, его этика, столь же рационалистическая, как у других нравственных учений греков, всецело основывается на теоретической подстройке. Рациональное философское мирозерцание само по себе имело известную нравственную цену в глазах стоиков, и если некоторые из них любили выставлять напоказ свое презрение к чистой теории, то сравнение с киниками указывает, насколько разнятся они от этих моралистов именно в разработке теоретической философии – логики и физики, которой киники действительно не хотели знать. Истинно доброе поведение, по учению стоиков, есть разумное поведение – а разумно то поведение, которое согласуется с природой человека и всех вещей. Чтобы согласовать свое поведение с законом Вселенной, нужно познавать этот закон, познавать человека и Вселенную. Отсюда по необходимости возникают логика, исследующая вопрос о познаваемости вещей, о критерии истины, – и физика, или наука о природе. В своем стремлении к цельному, свободному от противоречий, чисто рациональному мирозерцанию стоики нередко являются эклектиками по отношению к предшествовавшим учениям:

они поставили себе трудную цель – примирить дуалистическую философию понятия, развившуюся после Сократа, с первоначальным *монизмом* ионийской физики.

Логика. Аристотель искал высшую цель познания в нем самом и видел в разуме деятельное начало познания; стоики ищут цель познания в его практическом результате и признают началом знания нечто ему внешнее – впечатления от вещей, испытываемые нами. У Аристотеля теория познания как бы дwoится между рационализмом и эмпиризмом: с одной стороны, начало познания есть всеведущий деятельный ум, с другой – мы обладаем пассивной восприимчивостью к внешним впечатлениям. В своих поисках реального, положительно обоснованного знания стоики принимают одну реалистическую сторону учения Аристотеля: опыт есть единственный источник познания, и мышление наше – восходя от известного к неизвестному, от данных частных случаев к другим предваряемым случаям, к обобщениям – оперирует лишь с материалом ощущений, вызываемых впечатлениями. Все *представления*, составляющие содержание нашего знания, возникают из *ощущений* внутреннего или внешнего чувства, из оттисков или *впечатлений* внешних предметов, производящих внутренние изменения или движения души. Из восприятий такого рода рождается память, из памяти – опыт. Душа есть чистая хартия, на которую наносятся начерчиваемые знаки. От однородных частных восприятий мы приходим путем умозаключений к понятиям; и поскольку послед-

ние служат естественным результатом повседневного опыта, они характеризуются как *общие понятия*, предшествующие всякому искусственному научному исследованию в качестве общих предубеждений или «предвосхищений». Наука разрушает некоторые из таких убеждений, подтверждает другие и, наконец, порождает новые, высшие обобщения, проверенные, сознательные и уже неопровержимые. За рассудком признается право на безусловно достоверные обобщения. Как, однако, они возможны, если в действительности нам дано лишь частное или единичное? Киники были последовательнее, отрицая возможность общих определений. Зато стоики были практичнее в своей непоследовательности: нельзя поступать разумно без общих принципов и целей – и если невозможно разумное знание, то невозможно и разумное поведение. Но если источником знания служат чувственные впечатления, то в чем критерий истинности наших представлений и как можем мы сами судить об их соответствии или несоответствии объектам? Такой критерий стоики указывают в непосредственной очевидности или убедительности некоторых из наших представлений, которые заставляют нас невольно соглашаться с ними; такие представления *обнимают* в себе свой предмет и связаны с сознанием его действительности. Зенон называл их «понимательными представлениями» и усматривал в них критерий истины. По свидетельству Диогена Лаэртция, Хризипп видел критерий в ощущении и общих понятиях, образовавшихся непо-

средственно, помимо научного размышления, а некоторые из предшествовавших стоикам искали критерий в логической деятельности разума. Как ни различны на вид эти определения, они легко согласуются между собою с точки зрения грубого сенсуалистического реализма стоической школы: все содержание разума и понятий определяется впечатлениями, а в этих последних мы непосредственно воспринимаем самые вещи. Восприятие очевидно, как непосредственный отпечаток вещи; общие понятия истинны и очевидны как результат многократного повторения однородных восприятий, при котором естественно отпадают случайные элементы единичного восприятия; наконец, такие понятия обладают высшею достоверностью, когда они имеют за себя *общее* согласие всех или ручательство, даваемое научной проверкой, которая сама опирается на общие истины опыта. Вся эта теория познания представляется сенсуалистическим упрощением учения Аристотеля. Не следует, однако, смешивать стоиков с позднейшими сенсуалистами. Признавая в своей физике непосредственное единство духа и материи, разума и вещества, они признавали и непосредственную *разумность самых чувств*: на этом-то и основывалось их учение о «понимательном представлении» – чувственном образе, понимающем, «схватывающем» свой предмет. Теория познания стоиков составляла отдел их *логики*, которую они понимали весьма широко – как науку о *внутреннем и внешнем слове*, то есть о мысли и о ее словесной форме; со-

ответственно этому они делили логику на *диалектику* и *риторику*, причем первая распадалась на формальную логику в тесном смысле, учение о критерии, поэтику и грамматику. В области последней заслуги их были весьма почтенны, но в области формальной логики они ограничились схоластической переработкой того, что сделано было Аристотелем.

Физика. В физике, как и в теории познания, стоики дают реалистическое упрощение учения Аристотеля, отвергая его дуализм. Есть только одно начало в одно и то же время духовное и телесное – живая разумная стихия, подобная огню Гераклита или воздуху Анаксимена. Вселенная есть живое тело, все члены которого разумно согласованы. Она образуется путем последовательных сгущений и разрежений огненного духа, или пневмы: эта пневма сгущается в воздух, из которого сгущается влага – вода; из воды сгущаются твердые осадки – земля – и вновь улетучиваются путем разрежения (пары, воздух, огонь). В мире нет пустоты; есть лишь тела различной плотности, которые все соединяются воедино всеобъемлющим и всепроницающим телом – воздухом. «Пустота» лежит за пределами мира: когда Вселенная возвращается в первобытное единство в общем воспламенении всех стихий, мировое вещество беспредельно расширяется в этой пустоте, чтобы затем вновь сгуститься в компактную массу при наступлении нового периода мироздания. Без единства вещества и его непрерывности не было бы связи и взаимодействия вещей, которые относятся друг к другу

как части единой субстанции. Без такого единства субстанции необъяснимо взаимодействие между материей и формой, душой и телом, разумом и вещами; дух не действовал бы на вещество, если бы он не был телесным, формы не могли бы воплощаться в веществе, если бы они были бесплотны. У Платона не только дух, но и материя были бесплотны; у стоиков не только материя, но и дух есть тело. Мало того: стоики признавали телесность не только души, но и самых *свойств*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.